

О ПРОЗЕ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ УСТНОГО АБХАЗСКОГО РАССКАЗА

Поднимается вопрос о необходимости научного изучения многообразных связей творчества Фазиля Искандера как с абхазским фольклором, так и с живым бытованием современников — абхазских земляков писателя. Отмечены и охарактеризованы черты Искандера — литературного педагога, руководителя творческого семинара в Литературном институте: особое внимание к художественной речи, к связям словесности с историей и культурой народа.

Ключевые слова: Фазиль Искандер, абхазский фольклор, устный рассказ, Литературный институт.

Особого внимания требует тема абхазских истоков творчества Фазиля Искандера. У меня она возникает на фоне воспоминаний о Фазиле Абдуловиче, о его пребывании в Абхазии и развивается в размышлениях о его творчестве и его пути в литературе. 90-летие со дня его рождения, которое мы отмечаем в этом году, — юбилей, открывающий возможность собрать звенья его жизни и творчества и дополнить наши представления об источниках его творческой энергии.

Мои личные воспоминания о Фазиле Искандере в большой степени связаны с Литературным институтом — на нашем курсе были организованы две параллельные группы: грузинская и абхазская. Преподавателем грузинской группы была Анаида Беставашвили, а абхазскую группу некоторое время вёл Фазиль Искандер.

Стиль его преподавания был особым: он бывал требователен и особое внимание уделял колориту языка, наблюдениям за его живым и меняющимся движением. Обсуждения наших работ бывали трудными, мы слушали его разборы, проникаясь и усваивая мысль, что поэт и писатель — сложная фигура существования культуры.

На занятиях он говорил с нами на удивление подробно, затрагивая разные темы, направляя наше внимание на связи образного языка литературы с историей и культурой. Увлекал размышлением, что история народа вплетается в литературу, становится образной трансляцией его судьбы в мир большой культуры. Образные формы связей истории и литературы, а также

¹ Денис Киршалович Чачхалиа — писатель, поэт, историк, заместитель председателя Правления Союза писателей Абхазии (Москва, Российская Федерация — г. Сухум, Абхазия); maria.gitsba@yandex.ru

используемые авторами или переводчиками языковые средства постепенно создают мир национальной литературы и культуры, питают их корни и новые живые ростки.

Его занятия открыли мне многое, и я рад и особо благодарен Фазилю Абдуловичу за его отзыв о моей дипломной работе, посвящённой поэтическим переводам абхазских, русских и грузинских поэтов на русский и абхазский языки. Мне, как слушателю его уроков мастерства в Литературном институте, очевидно, что в них он суммировал своё понимание задач и целей перевода, как будто уточняя многое из того, о чём говорил на своих занятиях.

Совсем иным запомнился мне Фазиль Абдулович во время его пребывания в Абхазии, в Сухуме и в приморской абхазской деревне Тамыш, в гостеприимном доме отца Даура Зантария.

Сухум — город, который сохранял и поддерживал пространство, где соседствуют открытые кофейни для живого человеческого общения. Там варят крепкий кофе, и зачастую собеседники переходят из одной кофейни в другую, чтобы отметить и запомнить день беседы, удачной шуткой или небывалым рассказом. Насмешливо-лукавая народная молва дала этим местам своё название — «Брехаловка», в котором можно услышать отголосок постоянно вращающегося круга устных рассказов и шуток, лукавого соперничества вымысла и реального события.

Время и творческое внимание, которое Фазиль Искандер отдавал облику солнечного Сухума, древним стенам крепости, его домам и деревьям, сухумским кофейням и людям, отражено в его стихах, большой прозе и в его рассказах. Всё это крепко вплетено в его творчество, и без этой основы нельзя понять его творческие стремления и причины, которые побуждали его считать себя русским писателем и певцом Абхазии.

Это время абхазских встреч он ценил, и устный абхазский рассказ был для него не просто источником, он был своеобразной плазмой творчества, почти так же, как плазма крови является носителем ферментов, необходимых для полноценной жизнедеятельности человека. Он насыщал его слух колоритом абхазской речи, помогая трансформации жизненных смыслов из одного языка в другой, и в этом процессе неспешно отбиралось то, что было достойно творческого пересказа уже в иной форме.

В большой компании народа трудно представить Фазиля молчаливым. Но я помню его молчаливое внимание к устным рассказам сельских шутников в доме у отца Даура Зантария, когда долгое время и внимание им было отдано этим балагурам, владевшим сокровищами абхазского фольклора и не боявшимся его живых острот, его сюжетов и ассоциаций. Это молчание Фазиля Абдуловича перед потоком абхазской устной речи удивляло не менее, чем его юмор, его шутки и рассказы, почти поющие о солнечном свете Абхазии.

Острое наблюдение за всем поведением и обликом «сельских шутников и балагуров», восприятие их своеобразия, живое внимание к манере их речи, по слову самого Фазиля Абдуловича, оказывается «кровеносной связью с корнями», влияние которой ценно само по себе, поскольку помогает нам постичь глубину его творчества и тот потенциал культуры, который был необходим ему для литературного самораскрытия абхазской истории и судьбы абхазского народа в мире.